

902.6
K-95

Б. А. КУФТИН

Рязань

ЛЪЯЛОВСКАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НА РЕКЕ КЛАЗЬМЕ В МОСКОВСКОМ УЕЗДЕ

В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К ОКСКОМУ НЕОЛИТУ
РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ И РАННЕ-НЕОЛИТИ-
ЧЕСКИМ КУЛЬТУРАМ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

(Оттиск из вып. V Трудов
общества исследователей
Рязанского края)

РЯЗАНЬ — 1925 г.

902.6
К-95

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

902.6
К95

Куртин В.А.

ЛЯЛОВСКАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НА РЕКЕ КЛЯЗЬМЕ В МОСКОВСКОМ УЕЗДЕ В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К ОКСКОМУ НЕОЛИТУ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ И РАННЕ НЕОЛИТИЧЕСКИМ КУЛЬТУРАМ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ О РАСКОПКАХ 1923 ГОДА.

Физико-географические условия и стратиграфия стоянки.

Хотя рассматриваемая стоянка находится вне Рязанской губернии и принадлежит бассейну реки Клязьмы, которая захватывает лишь северную часть Мещерской стороны, однако своеобразный Льяловский неолит, являющийся территориально ближайшей к Рязани культурой с макролитической *) индустрией, впервые встреченной явно одновременно с типичной неолитической круглоямочной гончарной техникой, — культурой еще совершенно новой, вообще для Центрально-Промышленной Области, — не может близко не касаться Рязанского края, этой классической страны среднерусского (Окского) неолита, с так называемой, ямочно-зубчатой (гребеньчатой) керамикой, привлекающей ныне к себе все большее внимание археологов.

Примитивно грубая обработка кремневого матерьяла и редкость в подобной культуре резко бросающихся в глаза кремневых орудий мало способствовали привлечению к ней внимания, и отдельные предметы этой культуры редко попадают в числе случайных находок. Этим в сильной степени объясняется сравнительная малочисленность известий в России о стоянках с макролитическими орудиями и в частности, может быть, отсутствие этой культуры в археологическом обиходе Рязанской губернии.

Однако, северная часть Рязанской губернии с ее многочисленными озерами и болотистыми пространствами представляется благоприятной для распространения и сохранения этой культуры, которая, думаю, не замедлит открыться, как только на нее будет обращено достаточное внимание, тем более, что отголоски макролити-

*) Т. е. грубо оббивной без вторичной ретуши кремневой техники.

БИБЛИОТЕКА
Н. М. С.
Изм. № 1617 7

-12-
Губернский

ческой культуры известны уже вниз и вверх по Оке в Волосовской стоянке Муромского уезда, и повидимому, в Белевском неолите Тульской губернии.

Предлагаемый краткий очерк поможет Рязанским краеведам ознакомиться с этой новой для Центрально-Промышленной Области культурой и обратить более серьезное внимание на болотистые пространства Мещерской низменности, где, как показывают случайные находки кремневых поделок, по рекам Пре, Гусю и берегам Великого и Святого озер, ютилось издавна население, удаленное от главной речной артерии Оки, берега которой привлекали к себе наиболее сильное и богатое население неолитической эпохи Центральной России. Особенно возможны находки интересующей нас культуры при работах по осушению болот, при выемке торфа и т. п., когда открываются часто довольно большие поверхности.

Благоприятные обстоятельства, расположение стоянки близ Лугового Института, ведущего исследовательские работы в окружающей местности, позволяют привлечь материалы геологических и почвенных бурений *) и геоботанических исследований района для освещения условий залегания Льяловской стоянки и природных особенностей в эпоху, когда на стоянке жил человек. Это делает изучение Льяловской культуры, интересным еще с методологической стороны, представляя пример археологического исследования в краеведном разрезе, что и осуществляет в своей экспозиции Льяловских материалов Областной Музей Московского края.

Стоянка находится в Московском уезде на левом берегу у края второй террасы реки Клязьмы, в 20 верстах от ее верховья в нижнем слое восточного конца торфяной подушки, заполняющей древнее озеровидное расширение, по которому ныне и протекает река Клязьма (табл. I рис. 4).

Остается еще не вполне ясной история происхождения озеровидного расширения, имеющего длину около 6 километров (от с. Поддубного до с. Льялова) и ширину около 1½ километра и заполняющих его дно осадков, которые рассматриваются обыкновенно, как продукты жизнедеятельности озера, но возможно являются отложениями иного характера, явившимися в результате тех процессов смыва коренных берегов, которые создали само расширение.

*) Профиль № 1 табл. I составлен на основании бурений и нивелировок Лугового Института (скважины 5, 7, 8, 16, 17 и 44) и частью произведенных мной совместно с ученым луговедом Д. П. Мещеряковым во время раскопок стоянки (скважины а, б, в, г, д и е см. черт. № 5) за что как и вообще за близкое участие в работах и гостеприимство Лугового Института приношу свою благодарность.

Для составления плана № 4 был использован материал бурений (4 разреза поперек длины р. Клязьмы) хранящийся в Гидрологич. отд. Наркомзема.

За неозерный характер отложений говорит отсутствие гиттии, сапропелевого ила, а также мергелистого слоя в указанных осадках.

Торфяная подушка обязана своим происхождением обильным грунтовыми водам, выходящим на высоте уровня реки и до 20 метр. выше у южной подошвы высокой моренной гряды (до 46 метр. над уровнем реки Клязьмы), на которой раскинулись поселки Поддубное, Никольское, Льялово, и Луговой Институт (бывшее имение Морозова). Богатая растворимыми солями морена, достигающая здесь одной из наиболее высоких точек для Московской губернии, была источником известковых туфовидных отложений, переслаивающихся линзами и жилами вообще богатый известью лесной (ольхо-березовый) низового типа торф. Это богатство минеральными основаниями, нейтрализовавшими кислотность, способствовало более полному разложению субстрата, а, следовательно, и медленному, сравнительно, росту торфяной толщи, что необходимо учитывать при определении относительного возраста культурного слоя. Известковые отложения в настоящее время сменяются железистыми, окрашивающими ржавыми пятнами торф у выхода ключей.

Со стороны реки Клязьмы, дренирующей озеровидное расширение, более или менее далеко захватывая берега, происходили отложения речного аллювия, переслаивающего и покрывающего местами торф, что заметно более на правом берегу реки Клязьмы, куда главным образом выбрасываются продукты сноса с значительно более размываемого высокого левого берега.

Это ясно заметно на профиле долины (табл. I, рис. 1), где данные нивелировки обнаруживают аллювиальный вал вдоль правого берега реки Клязьмы.

Культурный слой стоянки располагается в нижних частях торфяного пласта, имеющего здесь от 0.5 до 2 метров мощности и налегающего поверх так называемых древне озерных отложений, т. е. во всяком случае, после исчезновения озера, если таковое действительно было, *) как раз над границей песчаной и иловато-глинистой фаций, окрашенных в характерные для глеевого горизонта болот олубовато-зеленоватые тона раскисленными (закисными) соединениями железа (табл. I рис. 1).

Скопления известкового туфа в большом количестве до 1½ метр. мощностью у выхода ключей покрывают местами культурный слой (табл. I рис. 2), простирающийся на различной глубине от поверхности и не горизонтально, а сообразно неровностям, частью

*) Мне в этом смысле уже приходилось высказываться в 1923 г., возражая С. Жукову и Д. П. Мещерякову, принимавшими существование озера даже эпоху, когда на стоянке жил человек.

искусственным, первоначальной поверхности почвы, однако, всюду одним непрерывным, около 10-15 см. толщины, слоем, заключающим одни и те же культурные остатки, что свидетельствует о его одновременности (табл. I рис. 3).

Геоботанические исследования торфа на различных уровнях относят образование культурного слоя к эпохе, соответствующей концу Атлантического климатического периода С. З. Европы (по Блитту, Сернандеру), т. е. к переходному времени от теплого и влажного к сменившему его более континентальному и сухому (суббореальному) климату, в свою очередь перешедшему снова в более влажный, но холодный период современной эпохи.

С вопросом о чередовании климатических периодов в последнеледниковое время, установленным для Скандинавии на основании изучения истории болот и смены растительных формаций, сопоставленными с изменениями конфигурации Балтийского моря, а также через синхроничные археологические памятники со стадиями оледенения в Альпах, связаны и русские работы по генезису торфяников. Молодая московская школа в лице проф. В. С. Доктуровского, Д. А. Герасимова, В. П. Кудряшова, и др. разрабатывает вопросы о времени возникновения и строения главнейших русских торфяников, о зависимости их роста от факторов, влияющих на характер окружающей, особенно лесной растительности, дающей судить о своем составе по остаткам древесной пыльцы, легко определяемой под микроскопом в различных слоях торфа и, наконец, о точных хронологических датах развития торфяников по археологическим памятникам с ними связанными.¹⁾

Однако, более слабое отражение влияний режима Балтийского моря на климатические цуглы континентальных областей Европейской России, где приобретают значение иные факторы, малая освещенность вопросов о пространственном движении (миграции) растительных форм в восточной Европе, невыясненная еще сколько нибудь полно зависимость смены растительных формаций от общего генезиса ландшафта, в котором играют роль ни одни лишь климатические перемены; наконец, недостаточная изученность еще археологических памятников, которые не могут быть точно идентифицированы с западно и северо-европейскими, являются теми затруднениями, которые должны быть преодолены, совместными усилиями русских геоботаников, торфеведов, геологов, почвоведов, географов и археологов.

Изучение пыльцы²⁾ в культурном слое стоянки обнаруживает преобладание широколиственных пород и малый сравнительно процент ели, приобретающей господство в последние периоды.

¹⁾ Доктуровский В. С. Болота и торфяники, развитие и строение их. Москва 1922.

²⁾ Доктуровский В. С. «Метод анализа пыльцы в торфе (с данными по истории развития растительности Скандинавии в послетретичное время)». Изв. Научн. Эксп. Торф. Инст. № 5, 1923.

Его-же. К истории образования и развития торфяников России (Торфяное дело № 2—1924).

Так, подсчет пыльцы, сделанный В. В. Кудряшевым дает следующие цифры:

Ель	6%	
Сосна	22%	
Ольха	22%	
Береза	29%	
Дуб	7%	} 22% широко- лиственных.
Орешник	4%	
Вяз	4%	
Липа	7%	

Для определения относительного возраста культурного слоя Льяловской стоянки и других средне и Сев. Вост. русских стоянок было бы важно непосредственно связать данные о древесной пыльце, пограничном горизонте и вообще стратиграфии средне русских торфяников с генезисом Ладожского озера, которое работами Ailio включено в историю развития Балтийского бассейна и датировано в отдельных моментах на основе типологии археологических форм по хронологической схеме Монтелиуса ¹⁾, напр. начало Ладожской трансгрессии половиной третьего тысячелетия до Р. X.

Однако специальных работ в этом направлении еще слишком недостаточно ²⁾ и если время Ладожской трансгрессии сопоставляют с климатическими периодами Центральной России, то лишь окружным путем через ту же Скандинавию, что для точной, даже относительной, хронологии русских неолитических памятников не может иметь серьезного значения.

Открытие Льяловской стоянки было сделано случайно. При выемке торфа (табл. I рис. 5; место выемки торфа обозначено штриховкой) сотрудниками Лугового Института был обнаружен почти черный с примесью угля культурный слой, содержащий в себе кости животных и птиц, двустворчатые раковины *Unio*, черепки ямочно-зубчатой (гребенчатой) керамики, осколки кремня, среди которых были найдены грубо оббитые орудия. Материал был доставлен ученым луговедом Д. П. Мещеряковым в Антропологический имени Д. Н. Анучина Институт при 1-м Московском Университете. На средства Областного Музея Московского Края при содействии со стороны Льяловского Лугового Института была организована в 1923 году экспедиция для изучения стоянки.

¹⁾ Montelius O. Les temps préhistoriques en Suède 1895 и Kulturgeschichte Schwedens 1906.

²⁾ В настоящее время обрабатываются матерьялы для увязки диаграмм пыльцы торфяников Рязанской губернии с Ярославскими, Верхне-Волжскими и Прибалтийскими и через них со Шведскими; см. Герасимов Д. А. Растительность, строение и история развития торфяного болота, «Галицкий Мох» стр. 31 (Тр. Торф. Станц. в 1, 1923).

Работы велись силами студентов кафедры Антропологии под руководством преподавательского персонала Б. С. Жукова и ученого хранителя Антропологического Музея Б. А. Куфтина.

Б. С. Жуковым работы были несколько продолжены и в 1924 году.

Несмотря на миниатюрность стоянки, занимающей площадь, как выяснено раскопками и бурениями, всего около 320 кв. метров, из которых раскопана только треть, она дала довольно богатый и разнообразный материал. Любопытно, что в большинстве случаев поделки оказались сломанными и находились разбросанными по стоянке в виде фрагментов, которые впоследствии удалось сложить.

Нужно думать, что ценные и более дорогие предметы были унесены, почему по отсутствию некоторых форм нельзя еще судить о совершенном незнакомстве с ними.

Раскопки велись траншеями и площадками (табл. I рис 5) послойно в мокром торфу, так что местами приходилось работать по колени в грязи. Однако культурный слой просматривался руками очень тщательно.

Никакой дифференциации по характеру культуры в слое замечено не было. Местами в верхней части культурного слоя заметен был как бы настил («гать») из толстых веток (табл. I рис. 2), положенных параллельно с юга на север. Под ними находилась группа черепков, повидимому, от одного крупного сосуда.

Костный материал великолепно сохранившийся в торфу в виде кухонных отбросов и поделок, свидетельствуя своим составом об охотничье-рыболовном образе жизни без знакомства с домашними животными, представляет собою главным образом обломки из костей и частей рогов лося, благородного оленя, кабана, бобра, барсука, птиц, почти исключительно водяных, и рыб. В качестве весьма обычного продукта питания встречаются в культурном слое двустворчатые раковины *Unio*.

Культурный инвентарь стоянки.

Характерной чертой Льяловской культуры является обнаруженное в ней впервые одновременное бытование в неолите Средней России типичной ямочно-зубчатой (гребенчатой) керамики с обычно сопровождающей ее «Робенгаузенской» поздне неолитической индустрией (кремневыми орудиями тонкой отжимной «техники», шлифовальными камнями, сланцевой продырявленной подвеской) и грубо оббитых орудий, совершенно иной культуры, ранее неолитического кампиньенского облика—типа, известного под французским названием «пик» (pic) т. е. «кирка»—и гарпунов из кости и рога.

приближающихся отчасти к гарпунам более поздних из ранее неолитических Прибалтийских торфяников, напр. торфяника Кунда в Эстляндии ¹⁾.

Благодаря находке этой культуры удается точно датировать пределы бытования в России макролитической индустрии, бывшей до сих пор хронологически немой, так-как ей придавали даже палеолитический возраст, ошибочность чего, однако, с полной очевидностью была доказана П. П. Ефименко, который сопоставил эти русские находки с Э. Европейской ранне-неолитической индустрией Кампиньи и Кьекенмедингов ²⁾.

Наши находки отодвигают возраст во всяком случае некоторых русских фаций макролитической культуры к еще более позднему времени, что совпадает, между прочим с мнением Нордмана, считающего возможным отнести также к концу неолита часть Скандинавских миндалевидных макролитических орудий ³⁾.

Керамика Льяловской стоянки, принадлежащая, как показывают условия находки, владельцам грубо оббитых орудий, не выказывает никаких явно архаичных черт сравнительно с таковой приокских дюн. Сосуды, котловидно конической и яйцевидной формы, с округлым дном, (таб. III рис. 3) большей частью крупных размеров, диаметром 25—35 см.; с довольно тонкими от 3 до 9 m.m. прямыми или слегка выпуклыми стенками, т. е. с суженным горлом (т. III рис. 5 и 2 ⁴⁾), прямым или слабо отогнутым снаружи венчиком, искусно вылеплены из глины с примесью гранитной дресвы, обожжены удовлетворительно равномерно и лучше, чем волосовские. Орнамент нанесен зубчатым, реже желобчатым штампом в виде горизонтальных поясков из отдельных, чаще всего косо и развилкой поставленных элементов. Летом в 1924 году в стоянке был найден один такой зубчатый штамп, представляющий собой плоскую овальную гальку с пропиленными по краю на небольшом участке неглубокими бороздками, действительно дававшими на отпечатках один из характерных типов узора ⁵⁾. Весь свободный фон после нанесения орнамента зубчатым штампом, что ясно заметно в тех случаях,

¹⁾ Grewingk Die neolithischen Bewohner von Kunda in Esthland (Verhandl. d. Gesellsch. Estn. Gesellschaft zu Dorpat 1884).

²⁾ П. П. Ефименко. Некоторые находки каменных орудий в Тверской и Новгородской губернии и их место в системе Европейской палеонтологии (Антроп. Журнал 1916 г. № 1—2).

³⁾ С. А. Nordman (Finskt Museum 1920—21) стр. 65 и след.

Его же. Some Baltic Problems (Journ. of the Royal Anthropol. Inst. of Great Britain and Ireland vol. LII 1922).

⁴⁾ Профиль сосуда № 2 на табл. III ориентирован ошибочно. Надо повернуть его так, чтобы верхний край приложился к вертикали, а нижний соответственно отодвинулся от нее.

⁵⁾ Хранится вместе с матерьялом 1923 года в Областном Музее Московского Края.

когда один орнамент случайно попадает на другой аккуратно покрывался в шахматном порядке глубокими коническими ямками концом белемнита, также найденного в стоянке, или круглой, тупо заостренной к концу, палочкой. Ямочный орнамент наносился, как это видно по форме ямок, направленных несколько вверх и направо правой рукой при положении сосуда вниз дном, вероятно, на коленях. Круглые ямки отличаются глубиной и достаточно крутыми стенками и острым дном от обычных для приокского донного неолита более плоских круглодонных ямок (типичных, например, для Балахны) ¹⁾ и приближаются к керамике, находимой в озерных стоянках Мещерского края: в озерах бассейна р. Поли и Святом озере (верховья реки Ушмы). От Святоозерской Льяловская керамика отличается большим разнообразием отдельных элементов, отсутствовавших или мало распространенных на Святом озере, напр. ромбических ямок ²⁾ (табл. III рис. 7 и 9), косых ямок (рис. 6), продолговатых ямок с зубчиками на дне, нанесенных глубоко вдавленным мелко-зубчатым штампом (рис. 8) и пр., но в свою очередь беднее в этом смысле Балахнинской отсутствием, напр. раковинного орнамента, лоточного и др.

Рисунок орнамента представляет главным образом как выше сказано ритмическое чередование различных видов поясков, но имеются и более сложные комбинации, напр., крутые зигзагообразные узоры, образованные или длинными (3 см.) элементами зубчатого штампа (рис. 5) или комбинацией крупно и мелко круглоямочного и полудунного орнамента (рис. 1), ромбическая клетка из зубчатых, тонко штампованных полос и др. Характерно для Льяловской керамики, во первых, отсутствие раковинной примеси к глине, исключительное господство штамповочного (чеканного) и отсутствие печатного веревочного и шнурового орнамента, столь обычного, напр. для керамики с раковинной примесью из Дубрович ³⁾ и резного, подобного напр., более позднему Бологовскому ⁴⁾ в

¹⁾ Спицын А и Каменский В. Стоянка каменного века близ г. Балахны (Зап. Отд. Рус. и Слав. Арх. Рус. Общ, т, VII в 1905 г.).

²⁾ Значительно более редкий чем круглоямочный ромбически-ямочный орнамент мне известен только еще в Белевском уезде Тульской губ. (Исторический Музей), в Каргопольском у. Олонецкой губ. (разведка К. В. Маркова) и в Эстляндии Tallgren А. М. Zur Archäologie Estis 1922 стр. 68, табл. рис. 1).

³⁾ Городцов В. А. «Русская доисторическая керамика» (Тр. XI Арх. С'езда в Киеве т. I 1901 г.).

Его-же. Жилища неолитической эпохи в долине р. Оки в связи с открытием в окрестностях с. Дубрович Рязанской губ. стр. 196—197 (Тр. VIII Арх. с'езда в Москве т. III 1897 г.).

⁴⁾ Спицын А. А. Бологовская стоянка каменного века таб. XLI x (Отд. Рус. и Сл. Арх. Рус. Арх. Общ, т, V в 1903 г.).

свою очередь не имеющего, напр., полулунного элемента. По классификации Айлио ¹⁾ Льяловская керамика принадлежит к типичной группе, так называемой: «хорошей гребенчатой керамики»; ее характеризует переживание более древних широко овальных зубчатых элементов, имитирующих фрагменты шнура и появление геометрического рисунка последующей стадии ²⁾.

Кремневый «Робенгаузеновского» типа инвентарь вполне отвечает характеру керамики, но очень немногочислен. Он ограничивается тщательно оббитыми с 2-х сторон стрелками, одной ланцетовидной, а другой, весьма необычной для Европы ассиметричной с одним шипом, скребками треугольной, трапеце-видной и долотообразной формы, несколькими ножевидными пластинками (lames), резцами, довольно грубо оббитыми, небольшим клювовидным острием или шипом и некоторыми другими сохранившимися в обломках. К этой же группе следует присоединить сломанную пополам шлифованную сланцевую подвеску с отверстием в середине (таб. IV рис. 6) и обломки шлифовальных камней треугольной формы с следами трения о них твердого материала, возможно думать, шлифуемых каменных орудий, однако, не найденных пока в стоянке.

Орудия грубо оббивной (макролитической) техники, представлены богаче и составляют главный инвентарь стоянки. Среди них намечаются, как удлиненные, так и широкие уплощенные формы «пиков» с острыми ребрами. Типом удлиненного пика может служить изображенное в половинном размере на табл. II рис. 3 грубооббитое из кремня рядом крупных отколов орудие с характерным волнистым краем, который мог служить в качестве лезвия ножа. Всего скорее, однако, орудие употреблялось как тесло или долото. Подобной формой удлиненные пики хорошо известны в ранне неолитической культуре Кампиньи во Франции, попадались в еще более древней культуре Маглемозе, но особенно многочисленны в Датских «кухонных кучах». Найденный в этом году в Льяловской стоянке пик длиной 12 см. с острым одним краем и выемкой на другом боку, полученной одним ударом, весьма близок к описанному Куркой Стендалем ³⁾ орудию из Кальбе в северной Германии под именем «остро-реберного топора (gratbeil) с выемкой». Широкие «пики» имеют или типичную миндалевидную форму или широковальную; встречаются также дисковидные и сегментовидные

¹⁾ Айлио. Fragen d. russischen Steinzeit (Finsk Forn. Tidskrift XXIX 1922) 35—39 стр.

²⁾ К сожалению мне не удалось до конца разобрать керамику т. к. при обработке Льяловского матерьяла мне было оказано препятствие В. С. Жуковым который однако сам свободно пользовался моим дневником, рисунками, советами и дружеской критикой.

³⁾ Курка—Stendal Das Campignien im nordeuropäischen Glazialgebiet (Zeitsch. f. Ethnol. 1907 h. I и II) 202 стр.

Зависимость этих форм от Северо-Европейской культуры Маглемозе и кухонных куч шведский археолог Оберг ¹⁾ считает недоказанной. Быть может распространение макролитических орудий связано с какими либо местными очагами развивавшими традиции Восточно-Европейского палеолита. Одна из более древних областей широкого бытования макролитических орудий—Валдайская возвышенность не является повидимому единственной. Многочисленные миндалевидные пиковидные и др. кампиньенского типа орудия, найденные Н. В. Сибилевым по реке Донцу в Изюмском уезде Харьковской губернии и сосредоточенные в количестве около 2000 штук в местном уездном музее, указывают и на более южные области развития и распространения этой культуры примыкающей здесь вероятно к подобной в Литве и Польше и наблюдавшийся П. П. Ефименко ²⁾ даже в Палестине, где она характеризуется подтреугольно—овальными без следов шлифовки пиковидными тополами.

Инвентарь из рога и кости, прекрасно сохранившийся благодаря консервирующему действию торфа состоит из гарпунов, ножей или кинжалов из кабаньих клыков, проколки, костяного ножа и некоторых других поделок.

Тяжелый гарпун из оленьего рога (табл. I рис. 5) имеет длину 17 см., ширину 2 см. и толщину 1, 2 и обладает тремя клювовидными загнутыми назад зубьями, отличаясь от костяных кундовских своей массивностью и толстым полуцилиндрическим или вернее округло трехгранным основанием (табл. IV рис. 1) без отверстия, снабженным тремя кольцевыми рубчиками для привязывания. Костяные гарпуны или зубчатые наконечники найдены лишь в обломках: один неровно мелкозубчатый отвечающий отчасти Кундовскому имеет косо под острым углом пересекающиеся у основания рубчики видимо для привязывания (табл. I рис. 7); второй обломок с одним боковым зубцом (табл. I, рис. 6); наконец, третий, очень плоский с треугольным зубцом на конце, (табл. I, рис. 8) имеет скорее аналогию в поздних восточно-русских костеносных городищах.

Ножи из распиленных вдоль (так, что остаются две грани) клыков аналогичны кундовским (табл. IV, рис. 3); на одном из них, не законченной отделкой, можно проследить самую технику раскалывания: первоначально кропиливают в долъ довольно глубокую борозду (табл. III рис. 4, распил заметен на конце), по которой затем откалывают ненужные части.

¹⁾ Åberg. Das nordische Kulturgebiet in Mitteleuropa Während den jüngeren Steinzeit. Uppsala 1918 г I стр. 3.

²⁾ Ефименко П. П. К вопросу о стадиях каменного века в Палестине (Ежег. Рус. Антр. Общ. Петр. Унив, т. V 1915 г.),

Проколка (табл. IV рис. 2) около 12 см. длины имеет кругло-отточенное острие и обработанную с одной стороны отколами плоскую рукоятку, вообще довольно близко напоминая подобные типы из кухонных куч.

Костяной нож представляет собой расколотую вдоль трубчатую кость лося с зашлифованными продольными краями, одно из которых превращено в лезвие (табл. IV рис. 5).

Следует еще упомянуть одну находку возбуждающую мое сомнение. Это кусок диафиза трубчатой кости срезанной наискось, так что ее можно принять за костяной топор типа из Свердборга или кирку, из костеносных городищ *), если бы другой конец кости, неправильно сломанный, не обнаруживал бы слишком далеко отстоящего эпифиза, а лезвие не было бы столь полого срезано. Ввиду того, что это орудие было найдено не во время раскопок, а доставлено в числе случайных находок во время добычи торфа, всего скорее можно предположить, что кость была в сравнительно мягком виде состругана ударом лопаты.

Датировка Льяловской стоянки и этнический вопрос.

Несмотря на тяготение основной группы Льяловской стоянки—макrolитических орудий к древним формам раннего неолита, где с явной силой определились две струи, в различной степени господствовавшие в эпохах палеолита, микро и макро-техники, датировка рассматриваемой культуры может опираться только на тот культурный комплекс, который связан с распространением в неолите солютрейских традиций тонкой обработки поверхностей кремневых орудий и с развитой и в известной мере совершенной гончарной техникой. В этом смысле—керамика, легко отражающая в себе, благодаря гибкости форм и свойствам матерьяла—способствовать проявлению художественных стремлений, всякие культурно-исторические перемены, является наиболее удобной для хронологических определений. Правда, та же гибкость форм керамики создает специфические областные типы, которые при недостаточной изученности их препятствуют устанавливать общие хронологические вехи на обширной территории. В этом случае приходится прибегать к более устойчивым формам, какими обыкновенно являются крупные каменные орудия, особенно, можно сказать, классический топор во всех его генетических разновидностях. В нашем случае топор известен только в наиболее первобытных стадиях пика, явно не соответствующих остальному более позднему культурному инвентарю, позволяющему предполагать возможность бытования топора более совершенного типа.

*) Материалы по Арх. вост. губ. том III таб. 16.

Льяловская керамика, без раковинной примеси к глине, не знающая совсем печатного (веревочного и шнурового), более первобытного, по Айлио, для соответствующей культуры, орнамента—по своему основному характеру принадлежит, как видели выше к стадии хорошей гребенчатой керамики, хотя с некоторыми более древними переживаниями, что соответствует по Айлио 3-ьему периоду Монтелиуса т. е. культуре каменных галлерей в Северной Европе. Эта последняя эпоха датируется половиной 3-ьего тысячелетия до Р. X. Надо однако заметить, что созданная Айлио генетическая классификация «гребенчатой» керамики при всей ее ценности для решения вопросов о взаимных культурных влияниях и для установления центров происхождения различных культурных типов с ней связанных—недостаточна еще для точных хронологических датировок т. к. во первых тщательно изученный Айлио русский материал не обладал нужными стратиграфическими данными, а во вторых, как известно, керамика в некоторых случаях в одной и той же этнической среде чрезвычайно долго удерживает свой первоначальный облик, вспомним, например, что русский глиняный горшок сохраняет свой характер, волнообразный черченный и нанесенный зубчатым штампом орнамент. даже часто форму клейма на дне в продолжение почти 1000 лет не измененными. Необходимо поэтому русский материал еще проработать не только по отвлеченным принципам классификации, но на основании реальной смены форм (как это делается в Финляндии) в стоянках с несколькими культурными слоями, как, например, Бологовской, Волосовской и др. Как бы то ни было, относить распределение типичной гребенчатой керамики ранее, чем полагает Пэльзи *) т. е. эпохи дольменов и тонкообушных топоров не представляется возможным. Но даже эта крайняя дата предполагает уже широкое распространение в Северной и Западной Европе шлифованных топоров. За знакомство со шлифованием камня обитателей Льяловской стоянки говорит нахождение там большого числа обломков точильных камней, вообще сравнительно редких среди предметов более раннего возраста; это показывает, что обработка поверхности кости производилась, вероятно главным образом путем скобления. Дате 3-ьего тысячелетия соответствует также нахождение листовидной, сланцевой, продырявленной в середине пластинки весьма характерной для типично неолитических и древнеметаллических средне-русских культур, хотя каменные плоские, правда не шлифованные, но продырявленные гальки были известны в Европе еще в Мадлене **).

*) Pälzi S. Ein Steinzeitlicher Moorfund in Finland (Finsk Fornminnesförrenings Tidskrift XXVIII 1916).

**) Mortillet P. et A. Musée préhistorique *ibid.* XXIII Paris 1881.

Роговой гарпун Льяловской эпохи, не связанный генетически с зубчатыми остриями из ребер и трубчатых костей культуры Маглемозе и очень грубыми двусторонне неровно плоско зубчатыми гарпунами датских кухонных куч, не имеет себе явных аналогий и ближе всего подходит, как видели выше, по форме к гарпунам из кости с клювовидными зубцами известными среди Ладужских, Волосовских и Кундовских находок. По размеру и массивности Льяловский гарпун всего ближе подходит к Ладужскому, известному в обломке с тремя зубьями. Это не противоречит вышеуказанной датировке, т. к. Ладужскую стоянку вряд ли найдется основание относить, как это делал раньше Иностранцев ¹⁾ и Картальяк ²⁾, к более раннему времени, чем переходная пора к древнеметаллической эпохе; это совпадает как с типологическим анализом топоров и желобчатых долот Айлио ³⁾ так и с мнением В. А. Городцова, основанном на сравнении костяной плоской статуэтки из Ладужского (Сяского) канала с Троянской.

Что касается тождественных между собой гарпунов этого типа из Волосовской и Кундовской стоянок, то они значительно дальше отстоят от Льяловского, не обладающего таким характерным признаком как отверстие для привязывания. Кроме того и возраст этих гарпунов недостаточно определим, т. к. неизвестно точно: относится ли Волосовский гарпун к тому древнейшему слою стоянки, который возможно датировать эпохой острообушного топора, т. е. концом 4-го, началом 5-го тысячелетия, или позднейшему. Древний же возраст Кундовской стоянки подвергается в настоящее время основательным сомнениям ³⁾.

Из вышесказанного следует, что Льяловская культура по возрасту примыкает вероятнее всего к Ладужской, возможно несколько древнее ее, отличаясь широким распространением, благодаря близости к окскому неолиту, «хорошей гребенчатой керамики», представленной в Ладужской культуре всего лишь 10% и использованием кремневого материала, почти не известного в Ладужской стоянке.

Таким образом можно считать установленным в Льяловской культуре позднее бытование древних технических навыков в обработке главнейших кремневых орудий в то самое время, когда Ладужский обыватель, приблизительно в аналогичных условиях, и обитатель приокских дюн развил широкое пользование шлифованными орудиями из сложно-кристаллических и сланцевых пород.

¹⁾ Иностранцев. Доисторический человек каменного века на побережье Ладужского озера 1882.

²⁾ Ailio. Die geographische Entwicklung des Ladogasees Helsingf. 1915.

³⁾ Ebert M. Die baltischen Provinzen Kurland, Livland, Estland (Prehist. Zeitschrift 1913 v V стр. 507).

Это заставляет подойти к изучению наших неолитических культур не только с генетической но и этнической стороны, предполагая существование в средней России в эпоху развитого неолита особых групп населения, переживавших в области болотистых водоразделов далекие традиции культуры, известной в сев. Европе под именем Маглемозе, встретившейся с иного происхождения культурой гребенчатой керамики, охватившей широкой волной всю северную половину восточной Европы, от Оки до Ледовитого океана и от Финляндии до Печоры, переходя в особых формах за Урал в западную Сибирь. Если под влиянием последней в хозяйство обладателя макролитических орудий Льяловской стоянки проникло прежде всего и полнее всего именно гончарное искусство, то это объясняется вероятно очевидным бытовым удобством крупных котловидных прекрасно орнаментированных сосудов, значительное совершенство которых позднее стойко сопротивлялось напр. в Дядковичской (Орловской губ.) и Галичской (Костромской губ.), стоянках ¹⁾ замене новыми формами Фатьяновских бомбовидных сосудов, связанных с колонизацией какой-то Кавказской народности, в то время как другие достижения этой последней культуры, (напр. ладьеvidный топор), воспринятые ею частью с запада получили более устойчивое бытование.

Эта двойственность Льяловской культуры лишней раз заставляет вспомнить, что развитие в восточной Европе неолита, характеризующегося гребенчато ямочной керамикой, протекало в этнически неоднородной среде, в окружении влиявших на нее центров значительно более высокой культуры, знавшей обработку металла, домашних животных и земледельческое хозяйство, благодаря чему была возможна одновременно резкая дифференциация культурных ступеней.

Существование культурного и племенного разнообразия в северной половине восточной Европы в эпоху предшествовавшую появлению металла вытекает уже из рассмотрения современных расовых и этнических взаимоотношений, предполагающих весьма сложные явления в прошлом. Если даже не выходить за пределы указанной территории необходимо учитывать издавна действовавшие там по крайней мере 3 расовых типа, ныне разделенных между двумя языковыми группами индоевропейской и уральской

1) Tallgren A. M. Kupfer und Bronzezeit Nord und Ostnordland 1911.

2) Собственно выделяется еще светловолосый суббрахицефально-брахицефальный тип, в России называемый, по центру современного его выявления, валдайским (Чепурковский Е. М. Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения преимущественно Великороссии в связи с колонизацией ее славянами М. 1913), некогда распространенный в северной и северо-западной Европе, где например в Скандинавии он сохранился отнесенным к юго-западным берегам Норвегии (Arbo Zur Antropoethnologie des SW

(финно-угро-самоедской). Представители индо-европейцев, — северо-германцы и балтийцы с частью западных финнов являются носителями сравнительно высокорослого, светло окрашенного, долихо и мезо-цефального типа, ²⁾ угрофинны и самоеды двух других низкорослых и темных долихоцефального и брахицефального, причем брахицефальный компонент, характерный для самоедов, выходит за пределы языковой границы и захватывается финской ветвью в лице лопарей. Темный долихоцефальный низкорослый тип обнаруживаясь больше у восточных, чем западных финнов, особенно характерен для угров.

Языковое родство самоедов и угрофиннов предполагает для них общую культурно-историческую среду возможно в зап. Сибири, где до сих пор вплоть до Алтая на юге рассеяно самоедское население в соседстве с монголами, турками и тунгусами, обыкновенно включаемыми в общую урало-алтайскую семью языков. Однако образование отдельных угрофинских народностей происходит уже в Европе не позднее ранней эпохи металлов в близком соседстве с восточными индоевропейцами от которых сохранились в угрофинских языках древнейшие заимствования ¹⁾. При этом как индоевропейцам в западной Европе, так и угрофиннам в северной, предшествовали иные племенные и языковые группы, этнический характер которых не может еще быть достаточно выявлен. Для финнов это доказывается тем, что образование лопарского языка ²⁾ из очень древней ступени прафинского было вызвано офинением антропологически инородной прочим финнам вышеуказанной брахицефальной группы, которая связывает ныне древнейшее население арктической Европы с населением Сибири самоедами и палеазиатами енисейцами и которая раньше, как показывают, м. б. черепа в стоянке Риннекальнс (Ливония) ³⁾ распространялась значительно далее в южных широтах; еще в историческое время лопари были известны у Онежского озера, а следы родственной лопарям географической номенклатуры прослеживаются почти до Волги.

Norwegen. Arch. f. Anthr. 1905, 313 стр). В Англию брахицефальный тип впервые проник из Прибалтики в бронзовом веке. (Keith A. The bronze age invaders of Britain. Journ. of the Royal Anthr. Inst. of Gr. Brit. and Ireland, v. XLV. 1915) На севере Рязанской губернии проходит теперь любопытная своей определенностью граница между наиболее брахицефальным и наиболее долихоцефальным населением Великороссии.

¹⁾ Jacobsen H. Arier und Ugrofinnen 1922.

²⁾ Wiklund E. Entwurf einer Uralappischen Lautlehre (Mem. de la Soc. Finno-Ougrienne X. 1896.

³⁾ Peake H. Some baltic problems. Journ. of the Royal Anthr. Inst. of Gr. Brit. and Ireland., v. LII 1922.

Ассимилированное индоевропейцами древнее население западной Европы, остатком которого являются баски, пробуют ныне этнически сближать с древними носителями передне-азиатских цивилизаций, находя в то же время возможное языковое родство с народами Кавказа ¹⁾, явные следы влияния которых на финнов восточной Европы также можно считать установленным ²⁾ как и яфетический слой в языках скифских ³⁾ и через них славянских племен.

Все эти антропологические и этнолого-лингвистические отношения не могут не отражаться на палеонтологических материалах углубленный анализ которых и открытие новых памятников поведет нас постепенно к решению этих, пока еще слишком запутанных, вопросов.

Б. А. Куфтин.

¹⁾ Марр Н. Я. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании Средиземно-морской культуры. Лейпциг, 1920.

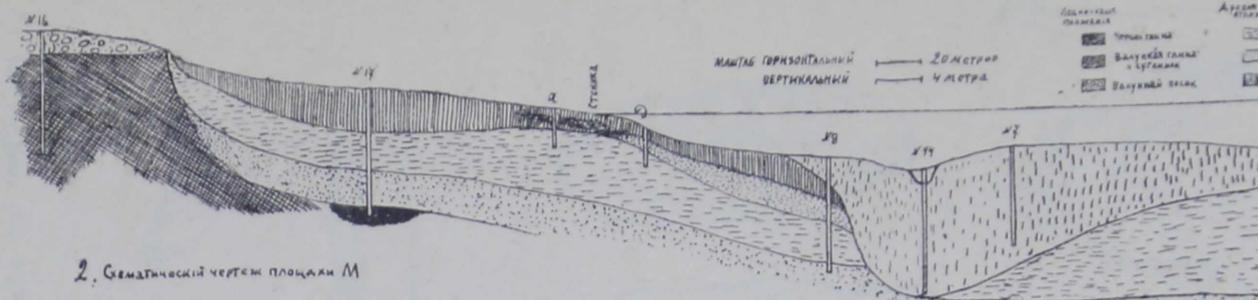
Braun Fr. Die Urbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen. 1922.

²⁾ Munkácsi V. A rja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben (Арийские и Кавказские элементы в финно-угорских языках). Budap. 1901.

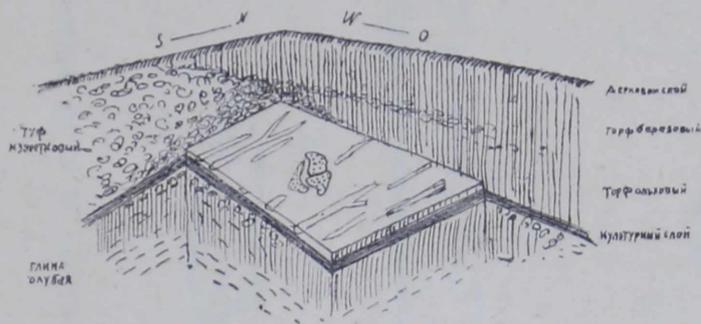
Корш Ф. Е. Несколько лингвистических данных для исторической этнографии восточной Европы. (Сб. 70 летия Д. Н. Анучина) 1913.

³⁾ Марр Н. Я. Об яфетической теории (Новый Восток № 5 1924).

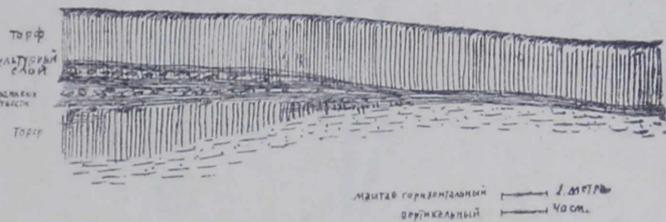
1. Профиль поперек долины р. Клязьмы через неолитическую стоянку близ с. Азялово. Взгляд с 3 на В

2. Схематический чертёж площади М

3. Профиль траншеи А. Взгляд с 3 на В

4. План торфяной подушки на восточном конце озера бывшего расширения р. Клязьмы у с. Азялово

Планы и профили раскопок 1923 г. неолитической стоянки близ

Таб. II

Рис. 1.

Рис. 2.

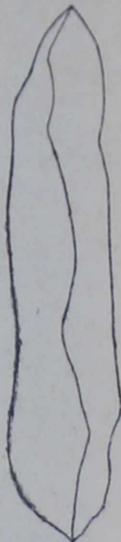

Рис. 3.

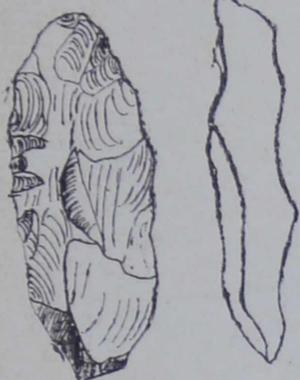

Рис. 4.

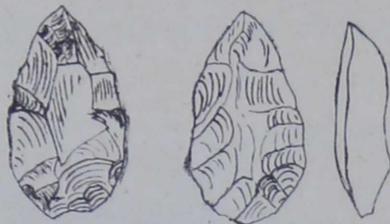

Рис. 5.

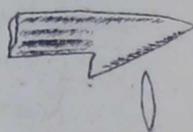
Рис. 6.

Рис. 7.

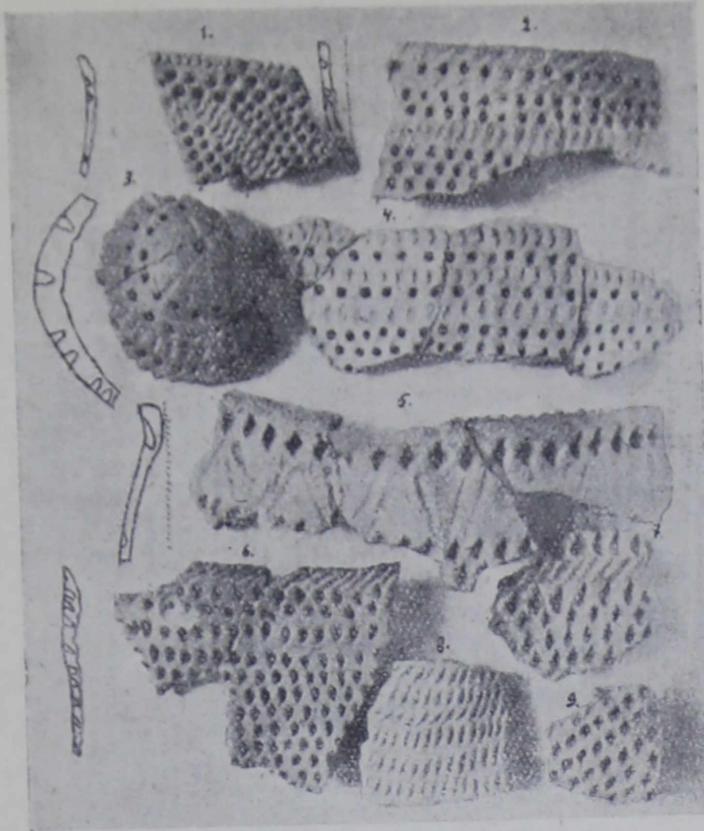

Рис. 8.

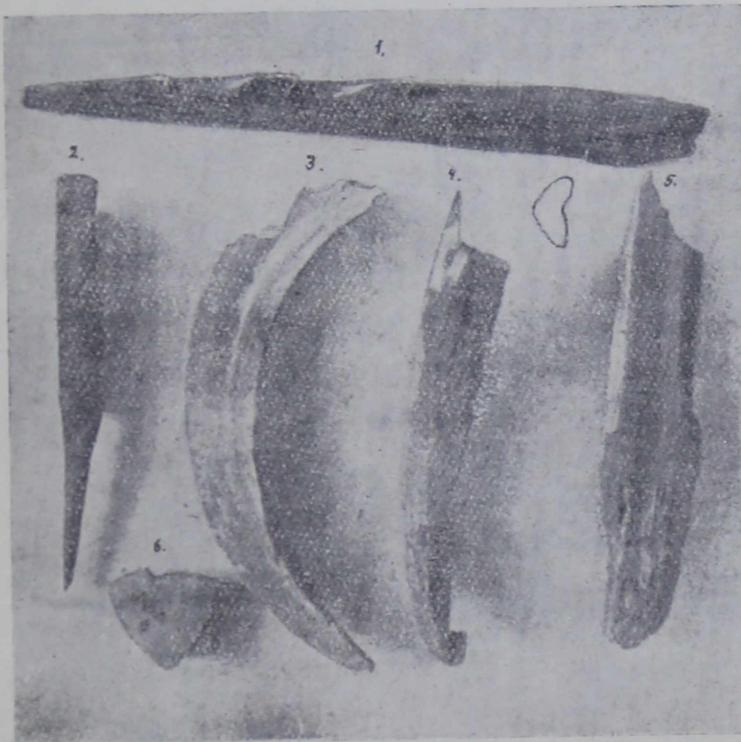
Изделия из кремня, рога и кости

Таб. III.

Неолитическая керамика из Льяловской стоянки
($\frac{1}{4}$ нат. велич).

Таб. IV

Изделия из кости, зуба, рога и сланца
($\frac{3}{7}$ нат. велич).

